

Николай Семёнович Лесков

Сибирские картинки XVIII

века

Николай Лесков

Сибирские картинки XVIII века

«Public Domain»

1893

Лесков Н. С.

Сибирские картинки XVIII века / Н. С. Лесков — «Public Domain», 1893

© Лесков Н. С., 1893
© Public Domain, 1893

Содержание

От автора	5
I	7
II	8
III	9
IV	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Николай Лесков

Сибирские картинки XVIII века

Из дел сибирской старины

Наше историческое развитие шло по-своему.
Н. Данилевский

От автора

Настоящему рассказу о делах, происходивших в Сибири в XVIII веке, необходимо предпослать несколько строк вместо предисловия.

Более десяти лет тому назад, в первой книжке «Русского Вестника» за 1882 год на первом месте было начато печатанием исследование Вакха Гурьева, под заглавием: «Исповедный штраф в Сибири в течение прошлого XVIII-го века». Автор этого исследования, Вакх Гурьев, был православный священник и происходил из сибирских уроженцев; близко зная дела этого обширного азиатского края, он сделал себе в литературе известность несколькими достойными внимания исследованиями о сибирской старине. Исследование Гурьева об «исповедном штрафе» тоже обещало представить очень живой исторический и этнографический интерес; любопытство, возбужденное появлением статьи в московском журнале, не было однако вполне удовлетворено, потому что из всего исследования в «Русском Вестнике» напечатано только три главы, а остальное обещано впредь, но продолжения не было. Не было продолжения этой статьи и ни в каком другом издании, а в законченном в 1892 году труде В. И. Межова: «Сибирская библиография» (№ 6972), «Исповедный штраф» Вакха Гурьева прямо показан неоконченным.¹

Сведение это надо считать наиобстоятельнейшим, для которого излишни были бы проверки, но и они были сделаны и принесли те же самые результаты: большая история, описание коей было начато по документам и живым, устным рассказам и повестям, остается в зачаточном положении, без развития и без конца, а потому и не приводит читателя ни к какому определительному выводу и заключению.

Была ли рукопись этого исследования доведена Вакхом Гурьевым до конца – неизвестно, равно как неизвестна и причина, по которой печатание «Исповедного штрафа» было в «Русском Вестнике» прервано и неокончено. Может быть, это зависело от неблагоприятных для литературной работы условий в положении самого автора, который в это время переменил место и, перейдя на службу в Царство Польское, умер в Калише 24 июля 1890 г.

Случай дает теперь возможность изложить это дело во всей его полноте и законченности, хотя и без тех частностей, которыми располагал Вакх Гурьев, знавший Сибирь по личным наблюдениям и пользовавшийся рассказами других старожилов.

Случай же этот заключается в следующем. В С.-Петербурге жил и здесь же не так давно скончался известный сибирский золотопромышленник, генерал-майор Вениам. Ив. Асташев, с которым я был знаком и от которого подарены мне несколько копий с деловых бумаг, касающихся сибирской жизни. Довольно долгое время бумаги эти лежали у меня неразобранными, а когда я стал их просматривать летом прошедшего года, то увидел, что в них есть очень значительная доля того материала, который встречается в обработанном виде в исследовании Вакха

¹ «Сибирская Библиография», Вл. Изм. Межова (Издание И. М. Сибирияков, СПб., 1892 г.), содержащая в себе «Указатель книг и статей о Сибири». (Прим. Лескова.)

Гурьева об «исповедном штрафе XVIII-го века», и что материал этот не ограничивается тем, что попало уже в начало исследования Гурьева, а идет дальше сплошной и неразрывной цепью событий до тех пор, пока дело кончается в тридцатых годах истекающего нынешнего столетия. Материал дает возможность закончить недоконченное исследование об «исповедном штрафе», который находчивостью сибирских деятелей переходит в другое дело – «о небытии», потом в дело «о скверноядстве», и наконец – «о простоте», в которой все и «тонет в тундрах Сибири».

Крайне заинтересованный этим оригинальным делом, я решился изложить его в ниже-следующем рассказе, причем – дабы сохранить изложению цельность – должен был вкратце сказать опять и о том, что уже рассказано в трех главах повествования В. Гурьева в «Русском Вестнике», с тою, однако, разницею, что как я не знаю местных преданий о всей этой истории, то я их и не касаюсь, а веду весь рассказ гораздо кратче и уже, чем рассказ Гурьева, пущенный в первых трех главах широко – до чрезвычайности.

Я держусь в моем изложении дела одних бумаг, и притом, – как я имею основание думать, – именно тех самых бумаг, которыми пользовался для своего начатого и недоконченного труда Вакх Гурьев.

I

Среди явлений русской жизни в Сибири чрезвычайно характерным и любопытным представляется борьба светских и духовных властей с крещеными сибирскими инородцами и другими людьми, которые не понимали важности принятых ими на себя обязанностей. Особенно много забот было о том, чтобы они не уклонялись от исповеди.

Архивы сибирских консисторий, духовных правлений и губернских и воеводских канцелярий хранят до сих пор множество дел «о небытии», «о скверноядстве» и «о злоупотреблении простотою», из которых рачителем сибирской старины сделаны были некоторые выписки, приведенные здесь нами в порядок.

Дело, о котором будет речь, сначала получило название «о небытии», под которым и упоминалось в бумагах. Началось оно при Петре Великом и, как думают некоторые, – по его мысли, а во всяком случае по его указу 14-го февраля 1716 года (т. е. за девять лет до его кончины). В указе том «великий государь велел всякого чина людям у отцов духовных повсегодно исповедываться, а ежели кто не исповедуется, на таковых попам подавать росписи архиереям, а им те росписи отсылать губернаторам, а губернаторам и лантратам класть на тех людей штраф, против дохода с него втрое, а потом им ту исповедь исполнять. А которые прежде податей не платили и явятся виновными, тех обложить, применяясь к тому же, а с девок и вдов против одного вполы. Раскольников же положить против настоящего платежа».

Таким образом, денежный штраф за «небытие» (т. е. у исповеди) был наложен этим указом одновременно как на раскольников, так и на церковных людей, которые в очень большом количестве не являлись для исповеди к своим духовным отцам.

Отсюда началось это дело; а далее сейчас мы будем видеть, как этот источник потёк по азиатской окраине, где редкое и бедное кочевое население живет в обширном рассеянии и притом «пребывает в состоянии природной простоты и совершенной дикости».

II

Наложение штрафа за неявку к исповеди сначала поручалось *светским властям*, «губернаторам и лантратам», а по скольку налагать на каждого человека, не явившегося к исповеди, — на это искали определения в указе, где сказано, что надо «класть штраф против доходов с него (отбегальщика) *втрое*». Лантраты поняли так, что раскольников нужно «записать в *двойной* оклад (платимых ими податей)», а церковных, не явившихся к исповеди, следует оштрафовать *втрое*. И многие так и сделали, а чрез эта вышло, что раскольники, заплатившие двойной оклад, «отводили исповедную повинность» дешевле, чем православные, которых лантраты обложили штрафом «втрое против доходов с них». Православные, увидав из этого, что им гораздо выгоднее совсем «записаться по двойному окладу», объявили себя раскольниками. Они стали являться к светским властям и просили «записать их в двойной оклад», а те это исполняли, и раскол возрастал в своей численности.

Другие же люди, которые не хотели зачислять себя в раскольники, «по двойному окладу», стали обращаться к «приходским попам» с подкупами, чтобы «попы показывали их *бывшими*». Попы брали за это «посулы» и показывали небытейщиков «бывшими», и таким образом реестрация вместо того, чтобы выяснить дело, повела к усиленной лжи. А как «посулы» за фальшивые отметки небытейщиков «бывшими» брали одни попы и не делились этими доходами с причетниками, то среди сих последних запылала всеобщая зависть против настоятелей и пошли на них доносы.

Доносов было множество, и представители духовной власти их не скрывали, а напротив, охотно направляли их на вид высшего начальства, чтобы показать, что светские чины не могут хорошо вести это дело и только портят духовенство, предоставляя ему возможность покрывать виновных в уклонении от исповеди.

Из-за этого между светскими чиновниками и приходским духовенством начались споры и «подвохи». Духовное ведомство по убеждению, что светские неподлежаше записали в раскольничий оклад нераскольников, «посылало *своих фискалов* для розыска, а светские власти, потакавшие раскольщикам, схватывали посланцев духовного ведомства и сажали их скованных в тюрьмы и держали под крепким караулом и оному исследованию о раскольниках и духовных делах чинили тем сущую остановку».² Светские же власти в отпор этим укоризнам со стороны лиц духовных вывели на вид, что «многие священники в поданных ими духовных росписях за 1716 и 1717 годы (самые первые после указа) многих детей своих духовных неисповедавшихся написали исповедавшимися, а *действительно бывших у исповеди* по злобе своей на них *записали небывшими*».

О злоупотреблениях в подобном роде завелось множество дел, шли бесконечные допросы, сыски и очные ставки, а между духовными и светскими чиновниками поднялась такая ожесточенная распря, что высшее правительство увидало необходимость быстро и энергично вмешаться в это дело и дать ему другое направление.

² Указ Св. синода 29-го марта 1721 г. (Прим. Лескова.)

III

Десятого и семнадцатого марта 1718 года последовали высочайшие указы, которыми (10 марта 1718) категорически определялось: «по сколько именно надлежит брать штрафа с разного звания людей, отбегающих исповеди». Назначено брать «с разночинцев и посадских в первый год по одному рублю, во второй – по два, а в третий – по три, а с поселян в первый раз по десяти денег, во второй по гривне, а в третий – по пяти алтын». А чтобы штраф за небытие взыскивался без попустительства и без пререканий между особами светского и духовного чина, – все это дело передавалось в заведывание лиц одного духовного ведомства, – а прежним взимателям штрафа из особ светского звания настоящими указами предоставлялось только наказание виновных. Заниматься взысканием было, разумеется, гораздо прибыльнее, чем наказывать несостоятельных плательщиков, и потому светские власти описанною переменою были недовольны и стали делать духовенству помехи.

Духовенству же с «набытием прав» по сбору штрафов за небытие прибыло и «страхования», и «страхования» эти были не шуточные. В указе читаем: «А буде о тех, кто у исповеди не будет, а священник о том не донесет и за такую его манэ (sic) взять на нем штраф первое пять рублей, второй десять, а третий пятнадцать рублей. А ежели по тем (т. е. и после третьего штрафа) явится в такой же мане и за то извержен будет священства».

И еще это «страхование» было усилено тем, что повелено было «по извержении» священников «взять их имение», а самих их «отсылать для наказания к гражданскому суду и в каторжную работу».

Известясь о таких указах, особы духовного чина не сразу разобрали: «пришло ли к ним торжество или горечь». Дело оштрафования «небытейщиков» обещало, конечно, хорошие выгоды, но и «страхования» со извержением и отъятием, а наипаче с преданием в руки светских приказных наводило на духовных ужас, который тем легче понять, что «светские» питали зло на духовенство за передачу в их руки самой выгодной части дела, и теперь приказные, по всем вероятиям, не дадут спуска тем из духовных, которые попадутся в их руки.

IV

Особы светского чина и действительно начали держать себя гордо и не уступали духовенству ни одного шага без неприятностей. Даже в самом начале приказные манкировали требованием духовенства. С 1718 по 1721 год духовное ведомство даже не добилось еще, чтобы светские сообщили ему списки небытейцев. Губернаторы, камериры и лантраторы относились столь небрежно к требованиям представителей церковной власти, что часто вовсе не отвечали на бумаги архиереев и не только «с безнадежностью» доносили об этом московскому приказу церковных дел. Однообразия в действиях не было, а повсеместно дело шло где как попало: в одном месте «небытейщиков» штрафовали священники, в другом – приказные, и те и другие по своему бессудили одних и мирволили другим, а взысканные деньги «представляли по своей команде», или даже вовсе не представляли. Шла вообще полная безурядица, с которою московский церковный приказ уже не мог найти никакого толку, и тогда за дело это взялось новое высшее церковное учреждение – св. правительствующий Синод.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.